

НАУКА, СИСТЕМОГЕНЕЗ И ПРОБЛЕМА ОБЪЯСНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В.А. Мазилев

д.пс.н., профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии ЯГПУ
Россия, Ярославль

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы объяснения. В работе констатируется, что проблема объяснения в современной психологии не только не решена, но даже и не обсуждается в достаточной степени. В статье выявлены причины недостаточной популярности этой проблемы. Констатируется, что на фоне безразличного отношения самих психологов к этой проблеме, отсутствие продвижения в разработке этой важнейшей проблемы в свою очередь является препятствием на пути развития психологии. В статье намечены первоочередные задачи, связанные с разработкой теории объяснения в психологии. В статье обсуждается статус теории системогенеза. Утверждается, что теория системогенеза, разработанная П.К. Анохиным, по своим характеристикам соответствует статусу эпистемологии. Соответственно, можно говорить о системогенетической эпистемологии в психологии, разработанной В.Д. Шадриковым.

Ключевые слова: системогенез, объяснение, понимание, психология, Ж. Пиаже, психологическое исследование, предмет психологии, исследование, эпистемология, П.К. Анохин, В.Д. Шадриков.

Давно хотелось с трибуны традиционной ярославской конференции по проблемам системогенеза поделиться некоторыми соображениями по вопросу, несомненно относящемуся к теории системогенеза, но вместе с тем очевидно и выходящему за его рамки. Речь идет о проблеме объяснения.

Объяснение относится к одной из трех вечных проблем психологии. Автор настоящих строк хорошо отдает себе отчет в том, что любое проявление селективности такого рода чрезвычайно субъективно, но тем не менее: вечные проблемы, согласно нашей позиции, это проблемы предмета, метода и объяснения.

Обратимся к объяснению. Уже в античной науке и философии объяснение было несомненной ценностью. Известно выражение Демокрита, согласно которому, он бы за одно причинное объяснение отдал персидский престол. Понять до конца одну причину, полагал философ, значит овладеть пониманием причинности в целом. Понять его можно, эта логика сохранилась и в двадцатом веке. Говоря об античности, нельзя не вспомнить Аристотеля и его учение о причинах, согласно которому, выделяется четыре вида причин: материальная причина, по началу движения, по концу движения, по форме. Вряд ли стоит специально акцентировать, что к одному и тому же явлению или вещи приложимы различные причины: иными словами, одни и те же вещи могут объясняться по-разному, в зависимости от используемых видов причин [1].

Не будем в рамках статьи, имеющей ограниченный объем, ставить перед собой вопрос: почему в истории культуры и науки рассматривались преимущественно причинно-следственные объяснения? Факт этот очевиден, примем его, оставив объяснения (прошу простить за невольный каламбур) для другого случая. Факт состоит в том, что множественность объяснений ушла, уступив место узко понимаемой причинности – почти исключительно как причинно-следственному объяснению. Если причинно-следственное объяснение, как можно полагать, полностью устраивает естественные науки, то про все науки такого сказать, разумеется, нельзя. Хуже другое, множественность объяснения все же вернулась, но, увы, совсем в другом, непродуктивном варианте. Об этом, анализируя работу Ж. Пиаже, мы еще скажем.

Пока же отметим важную для нашей темы вещь: у объяснения, если это действительно вечная проблема, должны быть противники. Не бывает так, чтобы никто не усомнился в очевидном. Противником объяснения был, как известно, О. Конт (и потом, позже Э. Мах). Обратим внимание на то, что знаменитый контовский закон трех стадий есть не что иное как акцентирование смены способов объяснения: теологическая – объяснение за счет сверхъестественного, метафизическая – объяснение за счет абстрактных сущностей, а собственно позитивная – объяснение через закон. Эрнст Мах решил упразднить и закон, но сумма описаний осталась, так что можно смело сказать, что принципиально ничего не изменилось.

И Маркс был прав в том, что философы раньше лишь объясняли мир. Тогда как дело в том, чтобы его изменить. Марксу это удалось: и первое, и второе. Но я бы вспомнил парафраз,

принадлежащий А.А. Зиновьеву: «Философы раньше объясняли мир, теперь они и этого не делают».

Это не просто шутка. Зиновьев был прав, потому что философия (она же гносеология, методология, эпистемология) марксизма перестала объяснять. Важнейшая функция растворилась в философии диалектического и исторического материализма как философской методологии, которая была призвана объяснить все. Для цельности картины молчаливо предполагалось, что объяснение это есть причинно-следственное объяснение. Философы действительно перестали объяснять: используя причинно-следственное объяснение за пределами естественных наук, они (как и специалисты в этих «неестественно-научных» областях) часто порождали такие объяснения, которые мало удовлетворяли представителей психологии, о которой мы ведем речь в данной статье. Иными словами, получалось не объяснение, а псевдообъяснение – «от-объяснение» («explain away» - от глагола отъ-объяснить, по аналогии с отфутболить, отделаться, отмахнуться)... Это уже выражение другого замечательного российского философа Мераба Константиновича Мамардашвили.

Не случайно, на наш взгляд, что знаменитая книга Е.П. Никитина «Объяснение – функция науки» [10] имела такой успех: в ней было убедительно показано, что существует несколько видов объяснения. Многие психологи впервые слышали – как это ни покажется удивительным – о том, что причинно-следственное объяснение не есть единственный и универсальный вид объяснения. В книге было показано, что видов объяснения много. И они разные... И их можно использовать. Правда, инерция мышления велика, а традиции сильны. Распространенный миф, конечно, не исчез, но прорыв состоялся.

Поскольку объем статьи ограничен, поставим перед собой конкретный вопрос. Есть ли в современной психологии приемлемая теория объяснения?

Собственно говоря, претендент всего один. Вообще говоря, создается впечатление, что отечественная психология вполне безбедно существует и без теории объяснения. Выполняется множество исследований, в большинстве из которых объяснения вообще не происходит, так как авторы довольствуются лишь интерпретацией. Логика в данном случае проста: нет и не надо. И чтобы завершить рассуждения об этом грустном моменте, отметим, что в кандидатских диссертациях наиболее частым недостатком является либо отсутствие интерпретации, либо слабая интерпретация.

Отметим, что в зарубежной психологии проблеме объяснения посвящено значительное количество работ [20-25] и мн.др. На русскоязычном пространстве претендент один – теорией объяснения может считаться лишь концепция Ж. Пиаже. В 1966 году вышло руководство по экспериментальной психологии под редакцией П. Фресса и Ж. Пиаже, точнее первые два выпуска под одной обложкой. Сказать кстати, французское издание было осуществлено в 1963 году и включало в себя 9 томов. В СССР было издано всего 6 выпусков, на три оставшихся не хватило пороку и времени (издание осуществлялось в течение 12 лет, но так и осталось незавершенным). В первом выпуске помещена работа Ж. Пиаже [23]. Как нам представляется, важнейшее значение в современной истории отечественной психологии для понимания проблемы объяснения имела публикация перевода этой статьи Ж. Пиаже на русский язык (рус. перевод, 1966) [11] и статья А.В. Юревича в «Психологическом журнале» (2006) [18], в которой, в частности, был поднят чрезвычайно актуальный вопрос о видах объяснения в психологии. Разрыв в сорок лет не должен смущать – это свидетельство «повышенного» внимания психологов к этой важнейшей проблеме.

Психологам, как известно, свойственно небрежное отношение к терминологии. В классической работе Ж. Пиаже приводится широко известная классификация форм объяснения. В тексте статьи Пиаже называет выделенные им 7 классов объяснений также типами. Как легко понять, все эти формы (кроме одной, связанной с конструктивными построениями) предполагают исключительно причинно-следственное объяснение. Для Пиаже существует лишь одно объяснение – причинно-следственное. Оно не применимо к сознанию, как полагает Ж. Пиаже, поэтому там используются «заменители» причинного объяснения – логические импликации: «понятие причинности не применимо к сознанию. Это понятие применимо, разумеется, к поведению и даже деятельности; отсюда и разные типы причинного объяснения, которые мы различаем. Но оно не «подведомственно» сфере сознания как такового, ибо одно состояние сознания не является причиной другого состояния сознания, но вызывает его согласно другим категориям» [11, с. 190].

Констатируем, что и для Ж. Пиаже существует лишь один вид объяснения – причинное объяснение. Пиаже по образованию и образу мышления биолог, так что такой вывод нас не удивит. Пиаже отмечает, что «существуют два основных типа или по крайней мере два полюса в объяснительных моделях в зависимости от того, направлены они на: а) сведение сложного к более простому или психологического к внепсихологическому или б) на конструктивизм, в большей или меньшей степени остающийся внутри границ «поведения». Так как модели редукционистского типа в

свою очередь могут сохранять преимущественно психологическую окраску или, напротив, стремиться к сведению психического к фактам, выходящим за его пределы, мы фактически приходим к трем крупным категориям (А-В), причем каждая из двух последних предполагает три разновидности» [11, с. 167].

Приведем эту классификацию Пиаже [11, с. 167-68].

А) Психологический редукционизм: он состоит в поисках объяснения определенного числа различных реакций или действий посредством сведения их к одному и тому же причинному принципу, остающемуся неизменным в ходе преобразований. Б) Формы редукционизма, объясняющие реакции или действия ссылкой на факты, выходящие за пределы психологии. Отсюда три разновидности: Б1) Социологические объяснения в психологии, или вообще психосоциальные объяснения, пытающиеся объяснять индивидуальные реакции с точки зрения взаимодействий между индивидами или структур социальных групп различных уровней. Б2) Физикалистские объяснения, которые исходя, из изоморфизма психических и органических структур соответственно моделям поля, основывают в конечном счете эти последние на физических соображениях. Б3) Органистские объяснения вообще, сводящие психологическое к физиологическому. В) «Конструктивистские»: такие типы объяснения, которые, предусматривая, конечно различного рода сведения (так как это по крайней мере один из аспектов всякого объяснения) делают основной акцент на процессах конструкции. В1) Модели типа «теории поведения», которые обладают тем общим признаком, что координируют различные законы обучения в системы, сосредоточенные на приобретении новых форм поведения. В2) Модели чисто генетического типа, при помощи которых исследователи ищут в развитии некоторые конструктивные механизмы, способные объяснить появление нового опыта, не прибегая только к приобретенному опыту. В3) Абстрактные модели, которые не предполагают выбора между различными возможными субстратами, чтобы лучше выявить в самой общей форме, соответствующей психологическим требованиям, механизм самих конструкций.

Констатируем, что в представлении Пиаже типы объяснения связаны с различными сведениями, используемыми в психологии. Иными словами, формы разные, но тип – один.

В предыдущих работах было показано, что неудовлетворительное решение проблемы объяснения связано с ограниченным пониманием самого объяснения: оно трактуется исключительно как причинно-следственное, другие виды в методологических построениях практически не используются; в теории объяснения используется конструкт «сознание», который рассматривается отдельно от конструкта «поведение»; неправомерно постулируется изоморфизм сознательных и физиологических процессов. Было показано, что построить современную концепцию объяснения в психологии можно будет лишь тогда, когда будут преодолены эти стереотипы, а само понятие объяснения будет рассмотрено в более широком контексте структуры психологического исследования [8, 9].

Обратим внимание на то, что, по нашему мнению, она содержит существенные недостатки. Подробно они анализируются в другой работе (см. [8, 9]). Здесь назовем лишь некоторые.

Пиаже анализирует объяснение в психологии «в чистом виде». В качестве модельного примера в его работе используется объяснение факта. Однако хорошо известно, что факт не является исходной точкой психологического исследования. В психологии факт чаще всего «вызывают» или на него «ссылаются» (П. Фресс). Проблема объяснения может быть адекватно решена в том случае, если она анализируется не изолированно, а включена в более широкий контекст, в который включен и факт. Тогда становится ясно, что факт методологически не «нейтрален», а вызван действиями исследователя. Реконструировать действия исследователя означает найти ключ к его пониманию факта (и его объяснению).

Пиаже в своем анализе объяснения не использует исторического подхода. Свой анализ Пиаже строит на материале современной психологии, тех теорий, который оформились в психологии к середине двадцатого столетия. Как нам представляется, понять механизмы объяснения в области психологии можно только в том случае, если при разработке теории объяснения использовать опыт историко-методологических исследований, анализирующих способы объяснения, сложившиеся исторически.

Пиаже считает, что единственным способом объяснения является объяснение причинно-следственное. Надо заметить, он не одинок в своей симпатии к этому виду объяснения. Как будет показано далее, причинное объяснение – это простое объяснение. Таким образом, в качестве способа объяснения неизбежно предполагается редукция. Как свидетельствует работа Пиаже, в итоге именно так и оказывается – объяснение сводится к редукции, а формы его обусловлены используемым «субстратом».

Ж. Пиаже разрывает и противопоставляет сознание и поведение. В данном случае заметим, что еще С.Л. Рубинштейн в 1930-е годы убедительно показал, что такой разрыв пагубен и малоперспективен для психологии. Позиция Пиаже в этом вопросе представляется анахронизмом.

Жан Пиаже за предмет психологии в данном тексте принимает сознание. Конечно, интеллект как система скоординированных операций тесно связан с сознанием, так что его выбор понятен. Вопрос, однако, в другом: насколько этот выбор удачен. Прежде всего заметим, что сознание представляет собой не лучшую трактовку предмета психологии. Сознание, по всей видимости, – только часть реального предмета психологии. Не будем здесь обсуждать соотношение сознания и предсознания (по Фрейдю или по учению йогов). Разорвав сознание и поведение, определив сознание как содержание психологии и выведя его из сферы причинности, поведение «отписав» организму и в этой области сохранив причинность, Пиаже обрекает себя на обращение к психофизиологическому параллелизму. Ж. Пиаже, как и большинство авторов подобной ориентации, считает необходимым «допустить существование двух различных рядов явлений, один из которых образован состояниями сознания, а другой – сопровождающими их нервными процессами (причем всякое состояние сознания соответствует такому процессу, а обратное было бы неверно). Связь между членами одного из рядов и членами другого ряда никогда не является причинной, а представляет собой их простое соответствие, или, как обычно говорят, «параллелизм» [11, с. 188].

Короче говоря, предмет оказывается разорванным: большая его часть попадает в сознание, хотя какая-то часть все же остается в поведении. Как можно полагать, это самая главная недоработка Пиаже: не определив четко свое понимание предмета, Пиаже вернулся в традицию оппозиции «сознание» - «физиологические процессы».

В действительности из проведенного краткого рассмотрения основных положений теории Ж. Пиаже можно сделать следующий вывод. В современной психологии теория объяснения, разработанная Ж. Пиаже, не может быть принята в качестве основы. Анализ свидетельствует, что:

- говоря о сознании, Пиаже подменяет психологию логикой. В результате реально предмет психологии оказывается разорванным между «сознанием» и «поведением/деятельностью». Де факто Пиаже отождествляет его с сознанием;

- Пиаже отказывает сознанию в наличии в его сфере причинности, но это означает, в первую очередь, то, что к сознанию применимы другие виды объяснения, неизвестные (или не оцененные) Пиаже (например, представленные в указанной выше работе Р. Брауна).

Поскольку остро необходима рабочая концепция объяснения в психологии, психологическому сообществу необходимо предпринять актуальные усилия, направленные на разработку концепции объяснения, отвечающей задачам сегодняшнего дня. В качестве возможного первого шага в указанном направлении эскизно наметим некоторые действия, потенциально полезные для разработки такой концепции.

Прежде всего необходимо преодолеть выявленные недостатки традиционной трактовки объяснения.

Необходимо включить объяснение в более широкий контекст, такой, в котором представлены другие методологические концепты. Желательно это должна быть схема структуры психологического исследования.

Необходимо, разумеется, признание множественности видов объяснения, отказ от монополии причинного объяснения.

Новая концепция объяснения потребует новой трактовки предмета психологии, так как вариант Ж. Пиаже представляется неудовлетворительным.

Необходим отказ от концепции психофизического параллелизма. Положение об изоморфизме физиологических и психологических структур никак в его работе не обосновано. Заметим, что реально у Пиаже речь идет об изоморфизме логики и физиологии (на эту подмену мы уже обращали внимание).

Необходим перенос объяснения в структуру предмета. Последнее, как представляется, требует хотя бы минимального комментария. Дело в том, что использование понятия «совокупный предмет психологии» позволяет осуществить требование, сформулированное некогда Э. Шпрангером, согласно которому психическое должно объясняться посредством «*psychologica – psychological*».

Остановимся здесь лишь на одном вопросе.

Как нам представляется, включение проблемы объяснения в более широкий контекст позволяет лучше понять специфику объяснения в психологии. По нашему мнению, задать такой контекст может схема соотношения теории и метода в психологии [5-9]. Обратим специальное

внимание, что никоим образом не настаиваем, что этот путь является единственно правильным. Альтернативным, к примеру, может являться другой путь выхода на проблему объяснения, исходящий из другой более общей системы – системы психологического знания. Возможно создание объединенной модели.

Здесь – с целью иллюстрации – используем те наработки, которые есть.

Соотношение между теорией и методом в психологии периода ее становления как самостоятельной науки может быть представлено в виде схемы (см. рис. 1). Остановимся лишь на некоторых результатах этого исследования в связи с проблемой объяснения. На наш взгляд, такое рассмотрение позволяет лучше понять происхождение объяснения в научном психологическом исследовании, проследить эволюцию форм объяснения на ранних этапах развития психологической науки. Единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство его осуществления имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Предтеория – комплекс исходных представлений, являющихся основой для проведения эмпирического или теоретического психологического исследования. Предтеория предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория представляет собой структурный инвариант. В структуре предтеории представлены: идея метода, базовая категория, моделирующие представления. Последние три компонента задают исследовательскую организующую схему.

Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется, к примеру, «структурный» вариант самонаблюдения, нацеленный на выделение и описание элементов психического явления, тогда как в другом случае используется «функциональный» вариант самонаблюдения.

Наличие уровней в структуре метода позволяет по-новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода. Применение того или иного метода позволяет получить эмпирический материал. Описание как функция и задача науки в психологических концепциях периода становления психологии как самостоятельной дисциплины может быть представлено следующим образом. Полученный эмпирический материал подлежит интерпретации. Первоначально интерпретация предполагает упорядочение данных посредством интерпретирующей категории. Производной от интерпретирующей категории является интерпретационная (объяснительная) схема. В качестве таковых выступают на первых этапах те же самые категории: структура, функция и процесс. В таких случаях протоколы опыта «редактируются» (по удачному выражению психологов Вюрцбургской школы). Интерпретация здесь, фактически, сводится к тому, что эмпирические данные упорядочиваются в направлении, заданном интерпретирующей категорией. На ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки базовая и интерпретирующая категории совпадают. В этом случае продуктом интерпретации является описание. Его в психологии рассматриваемого начального периода называют теорией. Если ставится задача объяснения, то возможны варианты: первый – объяснение за счет обращения к физиологии. Второй вариант состоит в том, что, кроме интерпретации посредством категории, совпадающей с базовой, дополнительно происходит реинтерпретация посредством другой категории. Реально объяснение чаще всего на этом этапе ограничивается декларативным указанием на возможность объяснения (объяснения в действительности не происходит). В плане постановки проблемы объяснения важным является случай, когда начинает использоваться объяснительная категория, не совпадающая с базовой. Это можно считать первой формой собственно психологического объяснения.

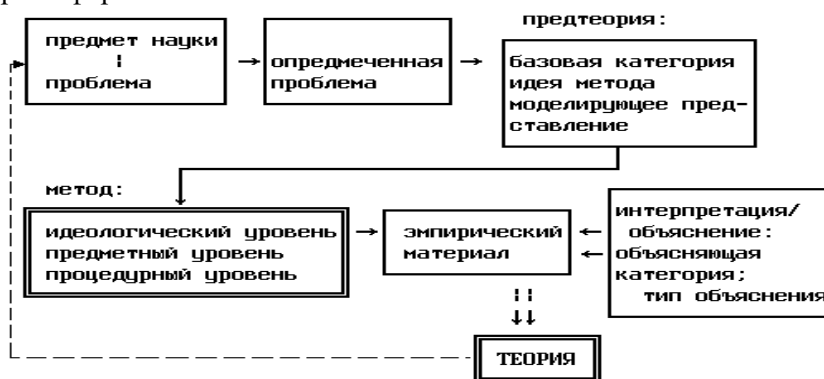

Рисунок 1. Соотношение теории и метода в психологии

В дальнейшем по мере развития психологии процедуры объяснения усложняются. В первую очередь происходит усовершенствование самих исследовательских схем. Психология довольно быстро проходит этап, когда используется одна базовая категория. Вначале используются аналитический структурный подход, затем функциональный. Функциональный имеет перед структурным явные преимущества в силу своей естественной целостности. Затем появляются процессуальный, генетический, уровневый. Довольно скоро обнаруживается, что можно использовать не одну базовую категорию, а их сочетание: структура и функция, функция и структура, структура и генезис и т. д.

Поскольку нас интересует, в первую очередь, объяснение, обратим внимание на то, что в качестве объясняющих категорий используются те же самые, что и входят в структуру организующей схемы: структура, функция, процесс, генезис и уровень. Как мы видели, на самых первых этапах при объяснении используется та же категория, что и при исследовании, затем интерпретация может проводиться с помощью другой объясняющей категории, что можно считать первым вариантом собственно психологического объяснения.

На следующих этапах развития психологии практикуются усложненные объяснения. Они представляют собой использование не одной, а сочетания объясняющих категорий: структура и функция, функция и структура, структура и генезис и т. д.

Вопрос о сложных объяснениях достоин отдельного обсуждения. Выше мы уже частично касались этого вопроса. В данном случае обратим внимание, что мы говорили о том, что могут быть выделены виды объяснения в зависимости от сочетания объясняющих категорий. Но при этом мы совсем не учитывали, что выделение тех или иных видов объяснения связано также с использованием определенных моделирующих представлений. Их роль чрезвычайно велика как на этапе организации исследования (не случайно моделирующие представления наряду с идеей метода и базовой категорией (базовыми категориями) входят в структуру организующей схемы), так и на этапе объяснения. Аналогичным образом моделирующие представления входят в состав объяснительной схемы. Различные сочетания базовых категорий и моделирующих представлений создают дополнительные возможности для выделения видов объяснения. Отметим, что это практически не исследованный вопрос, требующий своего изучения.

Таким образом, появляется значительное число оснований, которые необходимо учесть при будущей разработке общей теории объяснения.

Хотелось бы сделать еще одно важное замечание по поводу перспектив использования уровневых объяснений в психологии. В этом отношении отметим многолетние исследования М.С. Роговина и его последователей, посвященные структурно-уровневым исследованиям психики [12-14; 3]. Г.В. Залевский резюмирует результаты реализации данного подхода следующим образом: «В результате проведенных исследований М.С. Роговин и его ученики, следуя таким мыслителям, как Аристотель, Х. Джексон, П. Жане и Н.А. Бернштейн, пришли к заключению о возможности объяснять закономерности многих видов деятельности и поведения их структурно-уровневой организацией... Под последней имеется в виду идеализированное соотношение целей и средств деятельности, когда уровень цели выступает как высший, то есть направляющий и регулирующий, а средства образуют иерархическую структуру, подчиненную этому уровню цели. Совершаемые человеком (в психологическом исследовании – испытуемым) действия осуществляются в рамках этой структуры, но вместе с тем они образуют и иную – уже динамическую (в нашей терминологии акциональную (от франц. action – ‘действие’; необходимо отличать акциональные уровневые структуры от уровневых структур личности, хотя между ними есть и много общего) структуру соответствия самих действий идеализированной структуре целей и средств. Уровни этой акциональной структуры определены многими параметрами (адекватность цели, время, наличие или отсутствие ошибок, легкость выполнения, способ кодирования и т. д.). Следует отметить, что наличие акциональных уровней не очевидно, они являются результатом специально проведенного психологического анализа» [3, с. 43–44].

Обратим особенное внимание на то, что идеи структурно-уровневого подхода и наработки в области структурно-уровневого объяснения необходимо использовать при построении общей концепции объяснения в психологии.

В рамках нашего подхода, как можно было увидеть, виды объяснения выделяются в зависимости от использования тех или иных объясняющих категорий. Схема соотношения теории и метода была приведена для иллюстрации того, что объяснение рассматривается в данном случае как сложный феномен: факты, подлежащие объяснению, добываются с помощью исследовательской организационной схемы, интерпретируются и объясняются с помощью объяснительной схемы, в

которую входят объясняющие категории.

Вопрос о том, как соотносятся различные виды объяснения, в том числе и выделенные по иным основаниям, например, как в эмпирической классификации Брауна, в данной статье не обсуждается, так как это должно быть предметом специального исследования. Настоящая публикация является первой, в которой реализуется новый подход. Поэтому заметим также, что в данной статье не обсуждается роль моделирующих представлений в объяснении тех или иных фактов. Скажем только, что, как можно полагать, именно различия в моделирующих представлениях субъектов выступают в качестве главной причины неправильного понимания в структуре объяснения. Отметим, что в современной психологии становится чрезвычайно актуальной проблема соотнесения видов объяснения, выделенных по разным основаниям.

Переходя к заключительной части статьи, необходимо остановиться на вопросе, связанном с трактовкой понятий «наука», «философия» и «системогенез». Эта часть необходима – не только для того, чтобы главный редактор сборника не выбросил статью как не соответствующую тематике конференции, но и от того, что настало время расставить точки над «i»...

Теория системогенеза, использованию которого в пространстве научной психологии посвящена настоящая конференция (также как и все предыдущие – конференция 2018 года по счету уже восьмая), многими понимается если не неправильно, то (употребим более мягкое выражение) облегченно, в стиле «лайт». Похоже, конечно же, но не то же самое.

Воспользуемся каноническим текстом из Большой медицинской энциклопедии: «Системогенез (греч. systema - целое, составленное из частей + genesis происхождение) - процесс морфофункционального формирования в пре- и постнатальном периодах онтогенеза функциональных систем, обеспечивающих возможность приспособления организма к условиям окружающей среды. Концепцию С. создал П.К. Анохин. По его определению, С. - это избирательное и ускоренное по темпам развитие в эмбриогенезе разнообразных по качеству и локализации структурных образований, к-рые, консолидируясь в целом, интегрируют полноценные функциональные системы, обеспечивающие новорожденному выживание. Такое избирательное объединение разнородных структур организма в функциональные системы, в свою очередь, становится возможным только на основе гетерохронии в закладках и темпах развития и в моментах консолидации этих структур на протяжении всего эмбрионального периода» [2].

Обратим внимание на то, что концепция системогенеза создана знаменитым отечественным физиологом (и философом) Петром Кузьмичом Анохиным (1898-1974). Даты жизни как напоминание, что вся его научная деятельность прошла при советской власти и о том, как соотносятся наука и философия в социалистическом обществе он (на материале своей собственной биографии) знал хорошо.

Понять смысл концепции лучше можно тогда, когда мы поймем против чего направлена концепция. Она направлена против органогенеза.

«Учение о С. возникло в процессе разработки общей теории функциональных систем. П.К. Анохин пришел к выводу, что С. является одной из общих закономерностей эволюционного процесса. Параллельное исследование структуры и функции развивающегося организма различных животных, птиц и плода человека показало, что представление о формировании функциональных систем в эмбриогенезе принципиально отличается от общепринятого объяснения процесса созревания на основе принципа органогенеза» [2].

Приношу извинения за необходимость приведения еще одной длинной цитаты: «В эмбриональном периоде происходит избирательное развитие ряда структур или их частей, различных по локализации и анатомическим связям, к-рые, объединяясь, образуют жизненно важные для развивающегося организма системы, приспособляющие его к новым условиям существования. Характерным признаком этого развития является гетерохронность, т.е. различия во времени закладки и скорости созревания структур в процессе их объединения в систему. Выделено два типа гетерохроний - внутрисистемные и межсистемные. Так, закладка ядер лицевого и тройничного нервов, входящих в систему сосания, обеспечивающую поддержание жизни новорожденного, происходит значительно раньше закладки ядер других черепно-мозговых нервов - еще на стадии незакрывшейся нервной трубки. Миелинизация лицевого нерва, составляющего эффекторный компонент этой системы, развивается с различной скоростью (так наз. принцип фрагментации органа). В первую очередь миелинизируются ветви, идущие к мышцам рта, к-рые обеспечивают акт сосания. Характерно, что и эти ветви миелинизируются не одинаково во времени (внутрисистемная гетерохрония). Позднее начинается миелинизация лобных ветвей и ветвей, иннервирующих мимические мышцы (принцип межсистемной гетерохронии). В такой же последовательности

происходит цитологическая дифференцировка клеток ядра лицевого нерва. К моменту рождения система сосания является достаточно созревшей и способна обеспечить выживание новорожденного (принцип минимального обеспечения). Однако совершенствование этой системы продолжается и в постнатальном периоде за счет образования новых связей по принципу условного рефлекса. Еще нагляднее явления гетерохронии прослеживаются на примере развития моторных клеток спинного мозга, иннервирующих мышцы рук и плечевого пояса плода человека. Раньше всех созревают нервные клетки, иннервирующие мышцы кисти, к-рые выполняют самую раннюю функцию руки - хватательный рефлекс. При этом нарушается закон проксимодистального развития. Так, нервные клетки спинного мозга, иннервирующие сгибатели пальцев, созревают раньше, чем клетки, иннервирующие дельтовидную мышцу. Такое же избирательное по времени созревание проводящих путей наблюдается при объединении отдельных структур в целостную систему, дающую приспособительный результат (принцип консолидации). Показано, что коллатерали нисходящих нервных путей из ствола мозга прорастают к мотонейронам спинного мозга, иннервирующим кисть, ранее, чем коллатерали, идущие к нервным клеткам, иннервирующим дельтовидную мышцу, расположенную более проксимально. Т.о., морфологическое развитие зародыша осуществляется не по принципу органогенеза, а за счет избирательного созревания тех частей какого-либо органа, к-рые участвуют в приспособительной деятельности плода и новорожденного» [2].

Цитата была необходима для того, чтобы понять, что на уровне эмбриологии имела место глубокая проработка вопросов, что принципы появились как обобщение многолетних тщательнейших исследований. Эмбриологическая проработка позволила поставить задачу формулирования общей теории функциональных систем, что было, как хорошо известно, успешно осуществлено П.К. Анохиным. Я убежден, что он очень хорошо сознавал масштабы содеянного им. Только в условиях господства учения, которое было и всеильно и верно (я имею в виду диалектический и исторический материализм как философию познания и философскую методологию науки в целом).

Учение о общей теории функциональных систем это без сомнения новый и оригинальный подход в науке. Но это куда больше, чем просто подход. В этом легко убедиться, если обратиться к началу настоящей статьи. Когда определяется предмет, метод, способ объяснения для нескольких наук, впору говорить об эпистемологии. Поэтому я стану утверждать, что П.К. Анохиным было разработано особое учение – системогенетическая эпистемология. По ясным причинам Анохин не мог определить свой подход как эпистемологию, он вынужден был писать о философских аспектах теории функциональных систем. Настала пора воздать должное и вернуть теориям П.К. Анохина законный статус.

Зарубежная наука и философия науки, кстати, совсем не боятся таких обобщений. Там мы можем найти множество эпистемологий. Так вот один из полноценных и эвристически работающих вариантов эпистемологии был разработан П.К. Анохиным, выдающимся отечественным физиологом и мыслителем.

Системогенез находит применение и в психологии. В этом отношении стоит отметить, что честь и слава распространения идей системогенеза на сферу психологии принадлежит В.Д. Шадрикову [17]. В рамках настоящего текста, учитывая, что это статья для конференции в честь Владимира Дмитриевича Шадрикова, представлять его нет никакой необходимости. Им первоначально на материале производственного обучения, а затем в масштабах психологии труда рассмотрен и проанализирован процесс формирования систем. В ходе данного процесса определяется компонентный состав системы, устанавливаются функциональные взаимосвязи между компонентами и происходит развитие отдельных компонентов в плане обеспечения достижения цели. В психологии труда и инженерной психологии вопросы системогенеза профессиональной деятельности наиболее детально проработаны В.Д. Шадриковым [17].

За практически сорок лет реализации идей системогенеза в психологии – подчеркну системогенетической эпистемологии в психологии – получили широчайшее распространение. Доказательством является сегодняшняя конференция. Учебная и трудовая деятельность, общение, развитие способностей давно и успешно исследуются в рамках системогенетической эпистемологии. Она находит свое применение в относительно новых для идеологии системогенеза сферах – например, при разработке методологии или истории психологии.

В чем я вижу непреходящее значение психологической системогенетической эпистемологии? Оно, на мой взгляд, состоит в том, что позволяет дать реальное решение психофизиологической проблемы – этой скалы преткновения – не декларативное, как у Б. Спинозы или С.Л. Рубинштейна, а реальное. Смысл ее решения состоит в том, что соотнесение психического и физиологического не

поэлементное, а целостное: функциональная система обеспечивает психическое: если предметом психологии является внутренний мир, то его функционирование и развитие обеспечивается работой соответствующей системы [16].

И самое последнее. Мы начали с проблемы объяснения, которая решается в современной психологии. Стоит определить, как соотносятся системогенетическая эпистемология В.Д. Шадрикова и объяснение.

Системогенетическая эпистемология, естественно, шире, чем эпистемологическая проблема. Системогенез как научный подход предполагает определенную теорию, исследовательскую ориентацию, исследовательские и организационные схемы исследования, а также определенные способы научного объяснения, принятые в данной эпистемологии. В этом смысле системогенез как эпистемология, конечно, шире, чем складывающаяся научная психология объяснения.

С другой стороны, общая теория психологического объяснения (во всяком случае, когда она будет разработана) должна представлять собой более широкую по объему конструкцию, так как предполагает описание и анализ объяснений, используемых не только в рамках системогенетической эпистемологии, но и других видов и типов объяснений, реализуемых в других научно-психологических подходах и эпистемологиях. В этом смысле будущая теория объяснения будет выходить за рамки системогенетической эпистемологии.

Завершая статью, отмечу, что творческий диалог между системогенетической эпистемологией и исследованиями, направленными на изучение объяснения, представляется достаточно перспективным и взаимопользным.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 18-013-00137

Библиографический список

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. - 550 с.
2. Голубева Е.Л. Системогенез // Большая медицинская энциклопедия [электронный ресурс] // <http://бмэ.орг/index.php>
3. Залевский Г.В. Объяснение и понимание против «циклопной» психологии // Методология и история психологии. 2008. Том 3. Выпуск 1, с. 41-47.
4. Козлов В.В., Мазилев В.А., Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика личности и малых групп. М.: МАПН, Изд-во Института психотерапии, 2018. 716 с.
5. Мазилев В.А. Научная психология: проблема объяснения // Методология и история психологии: Научный журнал. Т.3. Вып. 1, 2008, с. 58-73
6. Мазилев В.А. Методологические проблемы психологии: объяснение и редукционизм // Ярославский психологический вестник. Вып. 20. М.- Ярославль, «Изд-во Российское психологическое общество», 2007, с. 15-20.
7. Мазилев В.А. Понимание. Объяснение. Творчество // Вокруг «Стен и мостов»: размышления о методологии психологической науки. Сб. статей / под ред. В.А. Мазилова. — Электрон. текстовые дан. — Ижевск: ERGO, 2016. С.10-45.
8. Мазилев В.А. Объяснение и понимание в научной психологии // Ярославский психологический вестник, 2018, № 41, с. 29-37.
9. Мазилев В. А. Разработка концепции объяснения в психологии // Ярославский педагогический вестник, 2018 б, № 4, с. 188-197.
10. Никитин Е.П. Объяснение – функция науки. М., 1970.
11. Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. 1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 157–194.
12. Роговин М.С. Психологическое исследование. - Ярославль, ЯрГУ, 1979. 66 с.
13. Роговин М.С. Структурно - уровневые теории в психологии. - Ярославль: ЯрГУ, 1977. 80 с.
14. Роговин М.С. Залевский Г.В. Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования. Томск, 1988. 234 с.
15. Фресс П. Экспериментальный метод // Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып. 1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 99-156.
16. Шадриков В.Д., Мазилев В.А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата / В.Д.Шадриков, В.А.Мазилев. М.: Юрайт, 2015. - 411 с.
17. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.
18. Юревич А.В. Объяснение в психологии // Психологический журнал. № 1. 2006. С. 97–106.

19. Юревич А.В. Объяснение в психологии // Методология и история психологии. 2008. Том 3. Выпуск 1, с. 74-87.
20. Brown R. Explanation in social science. Chicago, 1963.
21. Cammins R. The Nature of psychological Explanation. London, 1983.
21. Fodor J.A. Psychological Explanation: An Introduction to the Philosophy of Psychology. N.Y., 1968.
22. Hempel C.G., Oppenheim P. Studies in the Logic of Explanation // Philosophy of Science. 1948. Vol. 15. N 2. P. 135–175.
23. Piaget J. L'explication en psychologie et le parallélisme psychophysique. In: P. Fraisse, J. Piaget et M. Reuchlin., Traité de psychologie expérimentale. Vol. I, Histoire et méthode. Paris: Presses univ. de France, 1963, pp. 121-152.
24. Pongratz L.J. Problemgeschichte der Psychologie. München, 1967.
25. Swart H.A.P. Explanation in Psychology. Delft, 1985.